

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕНСИЛ-КЛУБА

Коллектив авторов
Вячеслав Абрамович Лейкин
Прижизненные записки
Пенсил-клуба (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12842770

Прижизненные записки Пенсил-клуба (сборник): Геликон Плюс; Санкт-

Петербург; 2015

ISBN 978-5-95682-860-7

Аннотация

Вашему вниманию предлагается сборник стихов и прозы петербургских писателей "Прижизненные записки Пенсил-клуба"

Содержание

Такой у них обычай	6
Часть 1	9
Гамлет	11
С. Бердников	11
В. Лейкин	16
Б. Чечельницкий	17
М. Ордынская	19
Т. Алферова	21
В. Хованов	23
Сцена 7	24
В. Пугач	30
Н. Савушкина	37
Фауст	41
В. Лейкин	41
В. Пугач	51
Т. Алферова	60
Н. Перевезенцева	68
На прогулке	72
Б. Чечельницкий	75
Улица	85
Сад	87
Лесная пещера	91
Н. Савушкина	93

В. Капустина	99
Богатая Лиза	103
Т. Алферова	103
Б. Григорин	105
В. Капустина	107
В. Пугач	109
А. Гуревич	112
Н. Савушкина	116
Мой дядя	122
В. Пугач	122
Б. Григорин	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Прижизненные записки Пенсил-клуба (сборник)

© Авторы, текст, 2015

© Лейкин В. А., состав, 2015

© Геликон Плюс, оформление, 2015

Такой у них обычай

Знаменитое стихотворение Дмитрия Кедрина «Кофейня» начинается такими вот пронизанными горечью строками:

У поэтов есть такой обычай —
В круг сойдясь, оплёвывать друг друга.

Зачем же «оплёвывать», тем более «друг друга», когда куда как продуктивней и куда как порядочней извлечь из прошлого некий вполне уже забронзовевший сюжет и перезагрузить его, как это принято сейчас говорить, навязчиво пёстрыми реалиями сегодняшнего дня. Комический жест гарантирован, а уважаемый классик мало сказать что не «оплёван», а развернулся к нам вдруг настолько неожиданным образом, что современнее и быть не может...

Традиции литературных игрищ и забав существуют в русской литературе с благодатных времен «Арзамаса», активно и жизнерадостно противостоящего замшелой шишково-шихматовской «Беседе любителей» чего-то там угрюмо-кондового.

А взять прелестную троицу соединившихся под именем самого знаменитого слушателя Пробирной палатки; как они дерзко и весело глумились над унылыми недугами отечественной словесности.

А коктебельский-волошинский «Турнир поэтов», изысканно и потешно тасующих в безупречных своих экзерсисах всевозможные эпохи, стили, имена.

В этом славном ряду невозможно не упомянуть «Вампуку – принцессу Африканскую» некоего Анчара Монфренилова (он же Волхонский М. Н.), после которой – «Вампуки» – «Аиду» на некоторое время перестали представлять на публике; невозможно пройти мимо прелестной компании харьковских филологов, перевернувших «Парнас дыбом»; невозможно не назвать Даниила Хармса и его неугомонных последователей с их стильными и уж-жасно смешными, как бы «историческими» анекдотами из жизни российских классиков...

И вот перед тобой, любезный читатель, книга, в коей весьма представительная и невероятно симпатичная группа петербургских литераторов лихо, лукаво и органично продолжает эту вышеописанную литтрадицию.

Вот как в коротких и даже несколько застенчивых заметках описывает это собрание его вдохновитель, организатор и многолетний председатель Татьяна Алферова:

«Как-то раз поэтам стало скучно. И устроили они заседание международного Союза писателей, куда пригласили Омара Хайяма и других литгигантов. Речи были тщательно запротоколированы и составили первый сборник Пенсил-клуба. Но первый и последующие сборники (их где-то около сотни) издавались тиражом от 5 до 12 экземпляров,

даже не самиздат – частные хроники. Для своего круга. Чтобы было интересно и весело собравшимся за столом. Потому так много в записках Пенсил-клуба обращений к «своим», ссылок на их стихи, цитат и подначек – дело-то внутреннее, частное. Но у частного есть свойство перетекать в общее, у количества в качество. И вот вам – пожалуйста – совсем не частное издание на 20-м году существования Пенсил-клуба.

Во всём прочем в клубе этом царят вседозволенность и полная беспринципность, разве одно – за столом, по-прежнему частным, собираются друзья, а не просто компания литераторов. Вот, собственно, и всё.

Примечание. В некоторых стихах встречаются имена, которые могут показаться знакомыми. Это, разумеется, случайные совпадения».

Что к этому всему прибавить? Разве что позавидовать тем, кому еще только предстоит прочесть эту необыкновенную книгу, и посочувствовать тем всё ещё многочисленным классикам, коих не коснулось пока неутомимо жизнерадостное коллективное перо Пенсил-клуба.

Вячеслав Лейкин

Часть 1

Гамлет

(август 2008)

С. Бердников
Акт I

Действующие лица

Розенкранц.

Гильденстерн.

Гамлет.

Горацио.

Ворон по имени Ульян.

На сцене – Европа. Площадка где-то в Дании. С одной стороны, разделённые заборами, видны Германия, Швейцария, с другой – Польша, Россия, вдалеке на горизонте Финляндия.

Розенкранц и Гильденстерн разглядывают какие-то бумажки, выхватывая друг у друга перо, что-то пишут. Ворон Ульян во время всей сцены следит за происходящим, перелетает с забора на забор, из страны в страну. Входят Гамлет и Горацио.

Гамлет

Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн,
Что пишете опять,
ужель не надоело?
Подайте-ка сюда.

(Обращаясь к Горацио.)

Горацио, ты в Берн?
Отдай издателю,
а вы займитесь делом.
От ваших бредней пухнет голова,
И то сказать: слова, слова, слова ...

Розенкранц

Привет вам, принц! Зачем так официально.
Зовите просто Фридрихом меня,
А Гильдерстерна Карлом, натурально,
А без писания не можем мы ни дня,
Вон Карл уже три тома написал,
Иначе нам не сделать капитала.

Гильденстерн

Я тут такую странность увидел,
Скажу вам, принц, был удивлён немало.
Чтоб описать её, я Фридриха привлёк,
Бойчее пишет он, к тому ж яснее слог.

(Обращаясь к Горацио.)

Возьми листки, Горацио,
поторопи издание,
Европу ждут волнения, Господь, помилуй Данию!

Горацио

Что вы несёте? Ночь уж на дворе...

Розенкранц

Вот-вот, как раз об этой же поре
В дыму багровом, в сполохах огня
Приходит Он и по Европе бродит.

(Ворон Ульян при этих словах, сидя на заборе между Германией и Швейцарией, оживает и прислушивается.)

Гамлет

Кто Он? Сдаётся мне, вы пьяны вроде?

Гильденстерн

Нет, принц! Он давеча так напугал меня,
Что я решил всё сразу записать
И Фридриха для помощи привлёк.
Так страшно это, что помилуй Бог

Ещё хоть раз всё это увидеть!

Розенкранц

(обращаясь к Горацио)

Не снилось, друг Горацио, такое мудрецам,
Не будет больше на Земле спокойных мест,
Не будет счастья ни лачугам, ни дворцам.

(Указывая на листки.)

Издай скорее этот манифест!

(Ворон Ульян нервно потирает крыльями, суетится, перелетает из Швейцарию в Германию и обратно.)

Гамлет

Да что же это, Господи прости!
Как можете такое вы нести?
Вселился точно в ваши души мрак.

(Небо окрашивается в красный цвет, гремит гром, мерцают сполохи, превращая его в алое знамя.)

Гильденстерн

(с ужасом)

Вот! Вот! Смотрите! Он! Призрак!

Горацио

(в замешательстве делает шаг назад, открывает листки, переданные ему Карлом и Фридрихом, читает)

Призрак бродит по Европе,
Призрак коммунизма...

Ворон Ульянов

(в восторге вскидывает крылья и картаво кричит)

Призрак! Призрак!

Гамлет

(машет рукой в сторону Ворона, кричит ему на чисто английском языке)

Ul'yan! Off!

Ворон Ульянов

(обиженно, передразнивая)

Па-адумаешь! Ульянов! Офф!
Ульянофф так Ульянофф.

(Перелетает из Швейцарии в Германию, потом в Финляндию, оттуда в Россию, не переставая картаво кричать)

Призрак! Призрак! Революция!

Горацио

(засовывая листки в карман)

Ну и дела! Не в Берн! Скорей в Париж, Во Францию.
Прощайте, Гильденстерн и Розенкранц!

(Все, кроме Гамлета, расходятся. Гамлет в ужасе смотрит на призрака коммунизма. Ворон Ульянов садится в России прямо на броневик на площади перед Финляндским вокзалом.)

Занавес.

В. Лейкин Монолог Гамлета

Быть иль не быть – вот в чем вопрос. Найти
Единственно возможный вариант
И подчинить ему судьбу, и время,
И вдохновенье. Не искать причин
И следствий, как не раз уже бывало.
Иль не бывало?..
Взять хотя бы папу,
Которого презренный дядя Клава
Сквозь ухо обезвредил. Нынче ночью
Он вроде бы явился, но не весь,
А призраком отдельным. Оттого

И непонятно, был он или не был, —
Вот в чём вопрос. И как бы всё не так,
Неладно в нашем гадском королевстве:
Полоний вдруг решил, что он металл,
И тут же всех своим полураспадом
Заколебал. Бедняге Гильденстерну
Едва не вышел полный Розенкранц,
Лаэрт слинял, мамаша стала тётей,
Офелия грозитя помянуть
Мои грехи в своих молитвах, нимфа.
Спросил намедни: «Будешь или нет?» —
«Вот в чём вопрос!» – несчастная вскричала
И тут же поплыла среди венков
Изящным фортинбрасом мимо дяди,
Гертруженика, мастера инцеста.
Довольно, хватит! Мщенья, только мщенья!
Клянусь, не будь я Гамлет! Или будь? —
Вот в чём вопрос. Дальнейшее – молчанье...
При тусклом свете бледного ума
Пути случайны, цели не весьма...
Есть многое на свете, друг Горацио,
Чего не принимает наше ratio.

Б. Чечельницкий

Акт 3

(Третий акт бессмертной трагедии Шекспира написан

мною во время планового отключения горячей воды со всеми вытекающими, то есть не вытекающими, последствиями).

Привет вам, Гильденстерн и Розенкранц,
Сантехника не вы мне вызывали?
Как ненавистный отчим, грозен кран,
Цунами мне устроивший в подвале.
Там всплески брызг, там капель перестук,
Там водопад грохочет, как тачанка.
Сантехник просит шведок пару штук,
А у меня одна, и та – датчанка.
Он взмок, продрог и выбился из сил,
Ббивая в течь засаленную ватку.
Болгарку для чего-то попросил.
А почему не сербку, не хорватку?
Как жить мне без воды и без тепла?
Быть иль не быть холодной, грязной свинкой?
Сантехник, сволочь, требует бабла,
Грозит прийти ко мне с какой-то финкой.
Я превращаюсь в знатного гребца,
По коридорам ковшиком табаню.
А ночью мне явилась тень отца,
И тень сказал: «Иди ты, Гамлет, в баню».
Мыть иль не мыть мне ноги перед сном?
Сходить на речку вечером с кастрюлей,
Как будто бы за пивом в гастроном,
Или прослыть отъявленным грязнулей?
Дошкандыбаю к речке как-нибудь,
Но вдруг там барракуды и миноги?

А может, умереть, потом уснуть
И захрапеть, а после вымыть ноги.
Мыть иль не мыть... Вот в чём? В какой бадье?
В кастрюле из-под первого? Второго?
Офелия сидит в одном бюстье.
Зачем ей два – она же не корова.
Она отрада дней, ночей и утр,
Кондишн в зной, камин во время стужи.
Я ей пишу, пока она без пудр,
Румян, белил, теней, помад и туши,
Талантливей, чем Пушкин Анне Керн,
Таинственной, чем аббривеатура:
«Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн».
Она поймёт: она почти не дура.

М. Ордынская

– Послушай, Клав, есть срочный разговор:
Ребенок без каникул тут звереет.
Гоняется за крысами, потеет,
И как не простудился до сих пор!

Я беспокоюсь за здоровье сына!
Пусть он поедит, повидает мир —
Европа там, Канада, Аргентина,

Потом Тибет, а может быть, Памир...

– Зачем, скажите, нам чужая Аргентина?
Британия и ближе, и деше...

– Ты, Клава, просто жадная скотина
И стопроцентный эгоист в душе.

Из Эльсинорской гавани всегда
По четвергам суда уходят в плава...
– Ах, Трудхен, но казна почти пуста!
На что прикажешь содержать державу?

Пусть в Англию прокатится малец...
Но принцу же нельзя без приближенных? —
Вот заодно прихватит двух пижонов.
Я эгоист? Я любящий отец!

Британия, Британия, прекрасная Британия,
Кому там репы посекут, мы знаем всё заранее!
Так весело, отчаянно взошел по трапу он —
Он настоящий датский принц, он лезет на рожон!

Он белобрыс, высок и худ, угрюмый принц-бандит.
Глаза ввалились у него, но в оба он глядит.
Ему в лицо прохладный бриз и ветер перемен,
А рядом милый Розенкранц и верный Гильденстерн.

Британия, Британия, прекрасная Британия,
Кому там репы посекут, мы знаем всё заранее!

Так весело, отчаянно взошел по трапу он —
Уж лучше качка, буря, шторм, чем сумрачный донжон.

По виду он приличный принц до самых бакенбард,
Но что в кармане у него, не знает Скотланд-Ярд,
А потому хорош терзать терпение камен —
Прощайте, Розенкранц и Гильденстерн!

Т. Алферова

Акт IV, сцена 4 и 5

Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн,
Ну как там принц, наш мальчик, наш интерн?
Всё болен селезёнкой, то есть сплином,
Укореняясь в неверии ослином?
В Британии, поди, все обалдели...
Но сцена номер пять. Теперь пора
За дело приниматься, в самом деле,
А Гамлет рефлексирует с утра.
Тут было ткнул рапирой внутрь ковра
Под настроенье, импульсивно, резко
И бродит, весь как выцветшая фреска,
Считай, со сцены три, с позавчера.
А в Эльсиноре королева-мать
Офелию не хочет принимать,
Король привычно умывает руки,

У власти руки чистые всегда,
Поскольку под рукой всегда еда
И всякие приличные кунштюки.
Душа Офелии больна без лицедейства.
Я повторяю: гений и злодейство
Отлично совмещаются порой,
Когда заходит речь о героине.
Мужчина же всегда у вас герой,
И присно, и – в особенности – ныне.
Офелия, зачем ты принесла
Тем болтунам тимьян и маргаритки?
Девичьего нет хуже ремесла —
Спросите у набоковской Лолитки.
Вот тут бы нам уместно заменить
Наш пояс верности шахидским...
Злая шутка.
Волнуюсь и опять теряю нить,
Покамест не утратила рассудка.
Но тут является Полония сынок,
И действо встало на голову с ног.
Да только зря дрожала королева —
Хоть заговор возник не без причин,
Лаэрт шагнул вперед и сразу влево,
Как это принято у большинства мужчин.
И появился некоторый шанс,
Как рядом с Гильденстерном Розенкранц.

В. Хованов

Акт IV, сцена 6

Эльсинор. Комната в замке. Горацио читает письмо.
Горацио

«Горацио! Нарушу твой покой!
Сначала я скучал, как шпрота в банке —
В натуре, сплин. Вот, думаю, на кой
Сдалась мне эта дырка от баранки?
Туманный Альбион, туда-сюда...
И выпить нет. И не с кем. Словно в будни.
Кругом – одна невкусная вода,
И ни одной Офелии на судне.
Я даже от безделья загорел.
Смешались в трюме в кучу люди, кони.
Но, слава Посейдону, нас узрел
Один корсар – и началась погоня!
Покуда завывали “Отче наш”,
Грядущее отсрачивая горе,
Разбойники пошли на абордаж,
Все полегли, а я свалился в море...
И вот я здесь – сижу на берегу,
Весь драный, словно жертва ширпотреб.
Но ты об этом прочим – ни гу-гу.
А лучше прихвати буханку хлеба,
Колбаски там, бутылочку винца...

И не забудь спортивную газету!
Координаты спросишь у гонца.
Засим – пока. Клозету мне, клозету...»

Сцена 7

Входят Лаэрт и король, который приобнимает юношу за талию. Лаэрт хочет казаться гневным, но его отвлекает августейшая десница.

Клавдий

Вообрази – ведь сей омлет позорный
В твоём отце наделал столько дырок,
Что, право, затруднишься сосчитать.
Сплошной восторг! Пардон – кошмар и ужас!
Да что Полоний! Как-то на меня
Он посмотрел таким протяжным взором,
Что я затрепетал помимо воли
И чуть не...

Лаэрт

Кстати, почему не в рифму?

Клавдий

Да как-то не привык, но если ты

Желаешь...

Лаэрт

Да, желаю.

Клавдий

Суеты

Не оберёшься с этими стихами.

И для кого? Вельможи – хам на хаме,

Да и плебеи – сущие скоты.

Лаэрт

(косясь на королевскую руку)

А правда, что вас в детстве звали Клавой?

Клавдий

(убирая руку)

Подумаешь! Невинная забава.

А Полей звали твоего отца...

Стук в дверь.

Кого ещё там чёрт принёс?

Из-за двери

Гонца.

Входит гонец, подаёт королю письмо и ретируется, стараясь не поворачиваться к монарху задом.

Клавдий

(читает)

«Не в мыслях Датский свет забавить,
Сижу на берегу нагой
И смуглой дрыгаю ногой.

(Закатывает глаза, справляется с горловым спазмом и продолжает.)

Не знаю, что ещё добавить.
Гертруде – пламенный привет.
Моё высочество Гамлет».

(Складывает письмо, нюхает его и убирает в меховое декольте. Лаэрту.)

Вот видишь, торопливое дитя,
Сама приплыла рыбка в наши сети.

Лаэрт

Воистину – ужасна будет мстя!

Клавдий

А я предупреждал, что вирши эти
Нам помешают грамотно привезть
Винительный падеж от слова «мечь».

Лаэрт

Творительный.

Клавдий

Не путай короля,
А лучше слушай. Знатная мысль
Пришла: а если мы с французским шиком
Устроим принцу бал без корабля,
Зато с большим оркестром. Запиши-ка,
Чтоб в спешке не забыть...

Лаэрт

Запомню так.

Клавдий

Мы под предлогом якобы турнира...

Ведь ты на шпагах, помнится, мастак?

Лаэрт

Не без того. Но лучше на рапирах.

Клавдий

Тебе виднее. С этим мизераблем
Деритесь хоть на швабрах, хоть на граблях —
Тут фишка в том, чтоб сделать ход конём.
Мы под шумок антихриста проткнём.
А чтоб верней из жизни сделать вычет,
Я приготовлю Гамлету ерша
С палёной водкой. Пусть сперва потычет,
Разгорячится, выпьет – и душа...

Лаэрт

Моя?

Клавдий

Его! – рванёт на встречу с папой.

Лаэрт

Моим?

Клавдий

Его!

(В сторону.)

Кретин!

Лаэрт

А почему?

Клавдий

Да потому, что наши эскулапы
Метилом ликвидируют чуму!

Лаэрт

(поразившись)

В стране – чума?!

Клавдий

(воздевая очи горе)

Довольно. Я устал.
Пойди пока к себе – потренируйся.

Лаэрт уходит задумчивый, появляется Гертруда.

Гертруда

Я прямо обыскалась – где ты, пуся?
У нас – такой скандал, такой скандал!

Клавдий

(в сторону)

О боги! На фи́га травил я брата?..

(Гертруде)

В чём ты опять ни в чём не виновата?
Как управлять? Кругом – одни засранцы,
Включая Гильденстерна с Розенкранцем...

Занавес

В. Пугач

И в гибели воробья есть особый промысел.
В. Шекспир

Два еврея разговаривают друг с другом во дворике. Рядом – детская площадка и кладбище домашних животных. Несколько детей погробают птичку.

Розенкранц

Привет вам, Гильденстерн.

Гильденстерн

И, Розенкранц!

Какой привет? Чтоб нам так жить в раю,

Как вы меня встречаете с приветом,

Буквально по привету ежедневно.

Повеселите чем-нибудь другим.

Розенкранц

Вам хочется веселья? Посмотрите,

Там птичку погребает детвора.

Девочка

Два дня назад взяла я эту птичку

На улице. Она была больна,

Но у меня она поздоровела,

И хоть летать покамест не летала,

Но прыгала и какала везде.

И так однажды оказалась в ванной,

Где на полу стоял с водою таз.

В нем плавали цветы (сегодня свадьба

Моей сестры, гульба идет всюю).

Так вот, она (нет, не сестра, а птичка)

На край уселась. Гладкая эмаль
Коварно ей позволила скользнуть
В пучину вод. Сперва она цеплялась
За стебли ирисов и орхидей,
Обрывки песен пела, но затем
Отяжелевшие от влаги перья
Несчастную от звуков увлекли
В трясины смерти.

Мальчик

Значит, утонула!

Девочка

Я назвала Офелией её.

Розенкранц

Девочка, а девочка, хочешь конфетку? Между прочим,
фабрики Крупской изделие.

Гильденстерн

Какой такой Трупской, старый греховодник?

Мальчик в очках

Крупп производил оружие, поддерживал имперские
устремления германской военщины и был женат на Большой
Берте.

Гильденстерн

Знавал я одну Большую Берту. Муж у нее, кстати, был ма-

ленький, как ваша птичка. Не знаю, в каком тазу она утонула, но если бы вы видели таз Большой Берты...

Розенкранц

Кто тут греховодник? О чем ты говоришь, это же дети!

Девочка

Старик, давай конфету. Это «Старт»?
Сегодня лучше подошёл бы «Финиш»,
Но помянуть сгодится и она.
Я увела шампанского бутылку.

Разливает. Пробует.

Холодное. От брачного стола
Недалеко до поминальной чаши.

Мальчик в очках

Всё это мне напомнило одну
Историю.

Все

Рассказывай скорей.

Мальчик в очках

Итак, я жил тогда в Одессе. Мама

Недавно вышла замуж, овдовев
При странных обстоятельствах, и отчим
Был дядя мне. Его я не любил,
Мать упрекал в предательстве отца,
Короче говоря, они решили
Меня отправить в Англию учиться,
Обставив мой отъезд почти по-царски.
Поехал я на яхте по морям
Вдоль побережья пол-Европы.

Мальчик

Что же
Теперь тебе напомнило об этом?

Мальчик в очках

Большая Берта. Я с ней был знаком.

Мальчик

Ты лжёшь. Большая Берта ни при чём,
Ты просто хвастунишка. Может, скажешь,
Что ты любил покойную, как брат,
Точнее, нет – как сорок тысяч братьев?
Что ты готов рыдать, терзаться, биться
И выпить не шампанское, а уксус?

Мальчик в очках

Всегда готов! Ты главного не знаешь:
Я принят в пионеры.

Мальчик

Что ж ты сразу
Нам не сказал? Мы слушаем тебя.

Мальчик в очках

Так вот, пока мы плыли, я узнал,
Что послан я с фальшивым документом
И попаду в полицию скорее,
Чем к английскому берегу пристану.
Когда в порту турецком мы стояли,
Сбежал я и, дойдя до Курдистана,
Был принят в пионеры, а теперь
Я здесь.

Мальчик

Всё стало ясным наконец.
Так это ты, должно быть, разорил
Гнездо, откуда этот милый трупик,
Ещё не научившийся летать,
Однажды выпал? Ты убил отца,
Кормящего малюток червяками?

Мальчик в очках

Кстати, о червяках. Эти белковые макароны отлично плодятся на кладбищах. Если где-то и существует фабрика Трупской, то это макаронная фабрика. Помню, дело было в Италии...

Девочка

Не ссорьтесь, мальчики, пора копать.

Мальчик

Чей это череп?

Мальчик в очках

Выяснить недолго.

Я прихватил с собою ноутбук,

Там установлена одна программа:

Параметры введем – сию минуту

Программа нарастит лицо владельца.

Необыкновенно споро выполняет все операции.

Хозяин черепа – терьер йоркширский.

Розенкранц

Погодите-погодите. Это же Йорик! Я сам зарыл его лет пять тому. Такой мертвец собачий! Здесь были эти губы, ко-

торые я целовал...

Гильденстерн

Он меня еще обвинял, зоофил несчастный!

Девочка

Не ссорьтесь, мальчики. Уже готово
Утопленницы непорочной ложе.
Оставим на могиле орхидеи:
Красивые – красивой. Спи, дитя!
Спасибо всем, кто в ней участие принял —
И мальчику, и мальчику в очках,
И старикам, что в очереди ныне,
Спасибо, Розенкранц и Гильденстерн!

Н. Савушкина

«Прощайте, Розенкранц и Гильденстерн!
Убойный написал про нас Шекспир том.
Интригу не осилишь без цистерн,
наполненных ядрёным датским спиртом.
Достигнув берегов чужой страны,
вы будете слегка удивлены,

а после – казнены. Меня потряс
доверенный вам дядюшкой приказ,

а выводы буквально изумили.
Полночи я корпел над факсимиле,
сюжет перелицовывал... Печать
из Интернета удалось скачать».

Так бормотал, слоняясь меж кают,
неадекватный принц по кличке Гамлет.
Трещал на нём камзол, что выдают
сироткам в секунд-хенде. Сапогам лет
пятнадцать... Плюс – одышка, целлюлит
и взор полынной горечью налит.

И жизнь не веселит. Ведь поутру
предполагается дуэль с Лаэртом.
И принц уже не принц, а полутруп,
поскольку быть ему дрючком пропертым.
Или не быть? А если быть – то где ж,
раз жизнь – сплошной винительный падеж?

Принц виноват. Намечена дуэль.
Партер гудит, набит, как клуб XL,
когда там декламировал Воден —
ников, но без обиняков
принц говорит: «Какой ужасный день!
Но я же – не маньяк, я не таков!

Жизнь царственных особ окружена
пиаром чёрным, выхлопом зловоний.
Таблоид написал, что мне жена —

Офелия. Навязчивый Полоний,
решив, что он – потенциальный тесть,
задумал в душу, словно в спальню, влезть.

А у меня был глюк, что там – хомяк,
сожравший “Камасутру” с “Капиталом”.
Я дверью хлоп, и папа ваш обмяк
и вдруг по стенке сполз сугробом талым...
К чему он ошивался под дверьми?
Лаэрт, дружок, сочувствие прими!
Что до моей несбывшейся жены —
она была не лучшей из Офелий.
Иные дамы краше сложены.
Однажды наблюдал я в Коктебеле
заплывы петербургских поэтесс.
Вот это – драйв, и катарсис, и стресс!

Офелия твердила, что урём
мы в счастье страсти, но опередила
меня. Я соблазнял монастырём,
спокойствием, замужеством с дебилом...
Она была готична и бела,
Но так неубедительно плыла!»

Король вскричал: «Я тоже виноват,
хотя жена меня давно простила.
Однажды брат спросил: «В чём правда, брат?»
И я поднёс ему бутылъ этила.
Он по-английски выругался: «Shit!»

Нет правды на земле! Ведь я – подшит!
Здоровый образ жизни доконал!
Плесни мне, брат, хоть в ухо, хоть в анал!»

«Покойник прав! – заметила вдова. —
Пойду бухну». – «Не пей вина, Гертруда!
Ты горлышко ошпаришь – там H_2
 SO_4 в глубине сосуда.
Там KCN, сивушные масла!
Глотнёшь – и станешь самкою козла!»

«Пошто испортил ты матушку мою? —
Воскликнул Гамлет. – Эк её колбасит!
Пей с ней на брудештафт!» – «Дык, я ж не пью!» —
«Возьми бокал, обрюзгший старый бассет,
и вылакай отстойный свой настой!
Пускай я стану трижды сиротой!

Лаэрт, засунь перо мне под ребро!
Шекспир любил концовки садо-мазо!
Любовь и смерть, злодейство и добро
на бутерброд трагедии намазал,
решив на кончик шпаги и в стакан,
цианистого калия добавить...
Умрём корпоративно! Вот судьба ведь...
Привет вам, Гильденстерн и Розенкранц!»

Фауст

(февраль 2005)

В. Лейкин
Пролог

Продюсер, Режиссёр и Поэт, в свободное от священной жертвы время пишущий сценарии.

Продюсер

Итак, мы снова вместе, господа,
И к творческим свершениям готовы.
Осталось, так сказать, отдать швартовы,
И пусть несет нас полая вода.

Поэт

Во-первых, интересно знать куда.
Как это всё у нас легко и просто:
Отдал концы, и сразу понесло.
А во-вторых, когда во лбу короста,
Ни парус не поможет, ни весло,
Как сказывал Петрарке Ариосто.

Режиссёр

Когда утилитарно ремесло,
Любое воплощенье бездуховно.
Как ни верти, известно издавна:
Сложнее сделать из барана Овна,
Чем сотворить барана из Овна.

Продюсер

Поволокло. Уже глаза горят,
Уже друг друга злобят и корят,
Уже и губы дергаются, пенясь.
Друзья, мы этак сладимся навряд.
Возможно ли, взаимно ерепеньсь,
Искомое согласия достичь
И двинуть к результату наше дело,
Когда один привычно порет дичь,
А у другого, как всегда, набдело.
Один творить не может за бабло,
Другому выжрать дринка и на хауз.
Один боится мельпоменопауз,
Другому быть публичным западло.
А публика меж тем ломает руки
От полной безысходности и скуки,
Поскольку нет у названных людей
Ни творческих позывов, ни идей,
А только жизнерадостные муки.

Поэт

Довольно! Хватит! Ты уже достал.
С твоих щедрот попробуй не повой-ка.
Карабкаться всю жизнь на пьедестал
И понимать, что твой удел – помойка,
Где судит соумышленников круг
О веществе твоём, и вправду сером,
Где ждет тебя неотвратимый друг,
Зовимый в просторечье продюсером.

Продюсер

Ты наловчился с некоторых пор
Метать икру и обрывать на спор
С берез и сосен смоквы типа фиги.
Но публика не зрит тебя в упор,
Поскольку ей по барабану книги,
Тем паче поэтические. Мир
Ей кажется воистину реален,
Когда он заклиширован до дыр,
А главное, когда засериален.

Режиссёр

Уговорил. Ну что мы в самом деле
Друг друга в сокровенное одели
И норовим сыскать источник зла
В традиционно благостном борделе,
Где душно, как в подпашье у козла.

Я не Антониони, не Годар,
И даже, так сказать, не Юрий Мамин,
Но если дан мне некоторый дар,
То я готов поторговаться. Амен.

Поэт

И я готов. Тем более, что для
Восторгов – ни сантима, ни рубля.
Пегас линяет. Жизни нет в природе.
И понимаешь, лист пером скобля:
Закончен бал, как не было. И вроде
Нам некуда деваться с корабля.
И вечный дрейф. И, грусть усугубляя,
Ни брода нет, ни бутера на броде.
Осталось соус ссасывать с манжет...

Продюсер

Тогда о'кей. С утра качнем бюджет,
Построим смету и погоним мыло
На три десятка серий. Но сюжет!
О ком? О чём? Всё было, было, было!

Поэт

А вот, допустим, молодость, мечты,
Балкон, гитара – полная хренада.
Внезапно появляются менты

И наш на нарах...

Продюсер

Про ментов не надо.

Режиссёр

Он – адвокат. Дамьё на все лады.
Одной из них он как-то странно лаком.
Соединились от большой нужды.
Плеснул, уснул. Очнулся вурдалаком.
Имущество, изящество, талант
Пошли под хвост взбесившейся корове.

Поэт

Куда?

Режиссёр

Под хвост. И вот он лаборант
На станции переливанья крови.
А в вытяжном шкафу стоял скелет...

Продюсер

Тоска...

Поэт

Один попал под пистолет,
Но не до смерти. Впрочем, отрубил.
Очнулся через два десятка лет —
А все вокруг прищуренные.

Продюсер

Было.

Режиссёр

Одна мадам, поняв, как жизнь горька,
Решила всем знакомым вставить шило
И с тем скрестила скунса и хорька...

Продюсер

И это было. Всё, ребята, было.
Мы тронемся с ума, собьёмся с ног,
Смешаем с глобализмом СПИД и смог
И ничего новее не отыщем...

Режиссёр

А может быть, в угоду нищим тыщам

Великих расчлнять?

Поэт

Зазря просвищем
И время, и бабло...

Режиссёр

А Бортко смог.
Он проходную классику берет,
Ни сраму, ни смущения не имеет —
Слегка осовременил и вперед:
То Шарикова публике вотрет,
То идиота с Чуриковой снимет.

Продюсер

Твоих суждений очевидна нить.
А если нам, допустим, расчлнить
Булгаковского Мастера?

Поэт

Уже там
Внебрачный сын глумится над сюжетом.

Продюсер

И ты бы мог.

Режиссёр

И я бы. Но, увы,
Такого рода страсти не новы.
Не разомкнет невольная строфа уст.
Чуть обцепит – и я иду на вы...

Продюсер

Пошли вы все на вы.

Режиссёр

А если Фауст?
Чудак, до ста дотлевший без греха,
Учув, что теория суха,
А дерево зеленеет, но не вечно,
В момент раскочегарил потроха
И стал себя вести вполне безопасно.

Поэт

На голый кумпол натянув кулек,
Он фолиант ведический достал,
Зеленой серы бросил в камелек
И вдруг полночной птицей засвистал.

И тут же обнаружился и лег
У ног его заблудший пуделек...

Режиссёр

Наш доктор фолиант перелистал
И Сатану из пуделя извлек,
Который сей же миг защебетал
Про то, как люди бьются за металл,
Который есть первичный капитал...

Поэт

Там будет шиз, и мистика, и слезы,
И реализовавшиеся грезы,
И разочаровавшиеся крезы,
Попавшие на дамские курьезы.

Режиссер

Там будет пряхсть божественная медхен,
По-ихнему зовущаяся Гретхен,
А старец наш, помолодевшей вдвое,
Сидеть вокруг, от вожделенья воя.

Поэт

Там трансвеститом обернется Зибель,
Там Валентин найдет свою погибель.

А замочивший бедолагу киллер
Окажется кутила и зингшпиллер.

Режиссер

Там будет все: и стол дырявый в чайной,
Откуда градус хлещет неслучайный,
И прокуратор, дующий в трубу...

Продюсер

И верится, что герр советник тайный
Не станет зло ворочаться в гробу...

Режиссер

Сплетая воедино эти звенья,
Мы явим фантастическое рвенье
По части воплощения феерий.

Поэт

И пусть не остановится мгновенье,
А мы его растянем.

Продюсер

На сто серий.

В. Пугач

Кондитерская на Б. Конюшенной.

Левитан

Должно без проволочек питься
Вино, прозрачное вполне,
Его хлебнешь – а тут и пицца,
Налейте «Хлебникова» мне.

Махотин

Кто ближе к «Русскому размеру»,
Любовью к родине горя,
Пусть напивается за веру
В белоголового царя.

Пугач

Сегодня нас немало злили
И ненароком чуть не слили,
Но это, впрочем, пустяки —
По жилам, водочка, теки!

Алферова

А я сейчас еще поддам
И на Катерли в суд подам.

Левитан

Суды – не новость для Катерли,
Но ты – и суд, Татьяна...

Махотин

(подсказывает)

Фиг ли?

Пугач

А судьи кто? А правда где?
Пока подогревали брашно,
Представил Таню на суде,
И за обоих стало страшно.

Левитан

Молчи о тонкостях суда,
А также трусе, гладе, море,
Давайте выпьем за суда —
На них, не труся глади моря,
Шальные ходят моряки.
Махотин, слово изреки.

Махотин молча выходит.

Алферова

Мне очень нравится Махотин:
Он импозантен, в меру плотен,
Но все мужчины – дураки.
А что, он правда из реки?

Левитан

Не быть Олегу Левитаном,
Когда любезна клевета нам:
Не из реки, а просто речь
Хотел из друга я извлечь.

Махотин

Ну вот, сходил – и ноша с плеч.

Пугач

Не прикупить ли нам съестного,
А то опять, боюсь я, снова
Договоримся до суда.

Алферова

А вот идет Яснов. С Яснова,
Как с гуся, капает вода.

Все

Михал Давыдович, сюда!

Яснов

А вот и я, а вот, а вот и
Устав – последний вариант.
Он посильней, чем «Фауст» Гете,
Нетленней, чем Шекспир и Дант.

Фауст

Кто звал меня?

Мефистофель

И правда, звали.

Фауст

Что делать нам средь этой швали?

Яснов

В конце Давид поставил Vale —
Ученый малый, но педант.

Фауст

(Мефистофелю)

Людей ты покоряешь видом
Одним – скажи, что я неправ.

(Мефистофель молчит.)

Но ты сейчас сражен Давидом,
Почти совсем как Голиаф.

Мефистофель

Да где Давид? Какой Давид?

Левитан

Не бойтесь, он не ядовит.

Мефистофель

О как могли вы так подумать!
Мы не боимся никого.

Пугач

Всё, братцы, пьян я. Я пойду, мать
Моих детей меня того...

Уходит.

Алферова

Признаться, Пугач мне по нраву,
Манеры лишь его дурны:
Завел себе детей ораву
И не отходит от жены.

Мефистофель

Мадам, а выпить не хотите ль?

Алферова

Какой приятный посетитель!

Левитан

Ну что ж, пожалуй, пейте с нами.

Мефистофель

Пошла потеха из потех.
Вина – мужам, ликера – даме,

Приличной закуси на всех!

Левитан

Вина? Ну нет, клянусь проводкой,
Питаюсь не вином, а водкой.

Махотин

И я бы, как и прочий реорле,
Конечно, водочки бы выпил.

Мефистофель

А дама? Что нам скажет дама?

Алферова

Не откажусь я от «Агдама».

Мефистофель

Эй, кельнерша, откройте фортку
И принесите мне отвертку.

(Ему приносят коктейль.)

Не удивлялся до сих пор так:

Таких не видывал отверток.
Несите, если есть, сверло.

(Приносят. Сверлит.)

Пусть в заведении питейном
Теперь текут коньяк с портвейном
И водка, а для нас – «Мерло».

Проходит несколько часов.

Алферова

Прекрасен мира окоем,
Давайте песенку споем.

Яснов

Не будем доводить общение до интима,
До паузы немой.
Весь горизонт в огне и ясен нестерпимо,
Я ухожу домой.

Уходит.

Алферова

Яснов мне нравится ужасно,
На сердце руку положи,
Признаюсь вам... Протяжно «Ясно!» —

Кричат в Мадрите сторожа.
Такая лирика повсюду,

(Мефистофелю)

Плесни чего-нибудь в посуду.

Левитан

Я выпил всё. Морской привет
Всем, кто копытны и двуроги:
Тому со мной не по дороге,
Кто любит тьму и гасит свет.

Уходит.

Алферова

Мне дорог Левитан не с водкой,
Мне дорого его перо,
Когда он «Март» рисует сводкой
Советского Информбюро.

Махотин

Фонтан с напитком – это чудо,
Но он, мне кажется, иссяк.
Я прямо ухожу отсюда
И спорю, что впишусь в косяк.

Вписывается.

Алферова

Мне очень нравится Махотин.
Я это, впрочем, говорила.
Плесните мне скорей портвейна,
Эй, Фауст, птичка, ты не спи здесь.
Мои поклонники не знают
И искажаются блаженством,
Перцовку пьют под колбасу.
Цветет чугунная ограда,
Когда она, вниманью рада,
Над пролитой бутылкой пива
Латает дырочку в боку,
Не брать бы вовсе ручку в руки
Любым из нас, кто знает толк.

Занавес.

Т. Алферова

Кухня ведьмы («Фауст»)

Две мартышки возятся у очага. Фауст и Мефистофель подслушивают у дверей.

1-я мартышка

Мартышка, мы состаримся в девицах!

Сосет меня жестокая хандра.

2-я мартышка

Грей лапы, лучше тощая синица,
чем грезить каплунами до утра.

1-я мартышка

К пяти годам чего с тобой достигли?
Где спонсоры, друзья и прочий сброд?

2-я мартышка

Помешивай, мартышка, лучше в тигле.

1-я мартышка

Где?

2-я мартышка

В этой банке из-под шпрот!

1-я мартышка

Нам не придет никто с тобой на помощь,
А как просить – так в очередь встают.

2-я мартышка

Ты, брат Мартышка, слишком много помнишь,
А я вот долго думать устаю.

Фауст

Какую чушь городят эти звери!

Мефистофель

Да в общем ту же, что любой поэт,
Но лаконичнее. Не стой, мой друг, у двери.

Фауст

Вот если бы мне скинуть тридцать лет...
Не верю, что колдунья мне поможет
От импотенции, запора, дряблой кожи.

Мефистофель

Веспасиан учил: запоры не беда,
Обходится дороже диарея.

1-я мартышка

Пожалуйте на кухню, господа!

2-я мартышка

Хоть по рублю пожалуйте!

Фауст

Зверею
От попрошак.

Мефистофель

Впрочем, средство есть
Помолодеть без ведьмина напитка.
Езжай в деревню месяцев на шесть,
Где ни одна не шастает лолитка,
Забудь о сигаретах и вине,
В метро не ездь – разве на дрезине,
И не читай стихов совсем – оне
Меж импотенцией с гастритом посредине.
С утра трусцой, обед отдай врагу
И только овощное ешь рагу.

Фауст идет к зеркалу, рассматривает его.

Фауст

Но что за образ в зеркале, мой Бог!

Мефистофель

Не поминай Его, уж лучше Лейкин,
Тот тоже с бородой...

Фауст

Там, по аллейке...
Какая грудь, бедро, лопатка, бок!
Таких красавиц не видал в природе:
Румяней всех, игривей и дородней!
Валькирии, пожалуй что, нежней!
Таких, клянусь, не видывал Линней!

1-я мартышка

При чем Линней? Не доктор он – бахвал!

2-я мартышка

(разъясняет)

Он женщину к животным приравнял.

Влетает Ведьма на помеле.

Ведьма

Кто тут приперся? Центр закрыт в субботу!

Фуршета нет, поэты дома пьют.
О доля ведьмы! Вечно ей работу
Ненормированную походя суют.
Я промолчу. Вам позже отольются
Мои обиды, рюмки и глотки.
Ужо судьба подсунет вам на блюде
Мышей тоски!
Что ворвались вдвоем и без бутылок?
Мое зверье сбиваете с пути.
Не слышите, как дышит вам в затылок
Зефир прощания обценного почти?

Мефистофель

Ты, матушка, убавь-ка обороты,
Не сыпь напрасно с помела трухи.
Мы ведьм таких сгноим в штрафные роты
Писать непопулярные стихи.
На шабаше и так идешь пробросом,
Полезных не приветствуешь господ.
Гляди, не оказаться б вовсе с носом —
Не «на», не «в» и не «вовне», а «под».

Ведьма

Ах, голубь сизый! Сразу не признала!
Простите, не признала без копыт!
Здесь света, извиняюсь, очень мало...

Мефистофель

Ужо тебе! Но яростно кипит,
Но булькает во мне желанье, зрея.
Залей его вином, да поскорее!

Ведьма

Дружок ваш, примечаю, – не Коровин
И не Фагот. Да кто же он такой?
Непосвященному винишко стоит крови.

Мефистофель

Кончай трендеть! Мы выпьем, дорогой,
Без всякого вреда для организма.
Вино гигиеничнее, чем клизма,
Выводит шлаки, очищает мозг.
А дух в вине такую сыщет степень,
Глоток нас подстегнет почище розг,
Пробороздим леса, моря и степи!

Фауст

Мне надоели пререканья ваши,
Как жеребцу седло и стремяна.

Ведьма

Прошу испить из нашей скромной чаши,
И мне глоток...

(Мефистофелю.)

Не слышит ни хрена.
Всё выпил – что за горестный урод!
А клялся – не возьмет ни капли в рот.

Мефистофель

Не парься, я с тобой сквитаюсь позже.
Нам маргаритки надо пощипать.
Ты видишь, он подходит, точно дрожжи.

Ведьма

Терплю от вас, терплю от вас опять!

Мефистофель

Бывай, красотка, нас зовет сюжет!

1-я мартышка

Ох, я б тебя с перловкой на фуршет...

Ведьма

Мартышка, цыц! Он главный, как редактор.

2-я мартышка

Милей, мартышка, ядерный реактор!

Н. Перевезенцева **Улица**

Фауст. Маргарита проходит мимо.

Фауст

Рад милой барышне служить.
Хотите в наш Союз вступить?

Маргарита

Я вам не барышня, я член
Союза истинного. Обойдусь без перемен.

Увернувшись, уходит.

Фауст

О небо, вот так красота!
Я в жизни не видал подобной.

Ваяет за день пол-листа,
притом с коллегами беззлобна.
Нет, положительно, в Союз
ее принять бы в наш не слабо...

Входит Мефистофель.

Мефистофель

Так я и знал: служитель муз
польстился на чужую бабу.
Ты судишь, как какой-то селадон.
Увидят эти люди цвет, бутон —
и тотчас же сорвать его готовы.
Польстился на свежатинку, на новый
цветочек. Но растет в чужом саду
сей первоцвет.

Фауст

А кто садовник там?

Мефистофель

(шепчет)

.....

Фауст

Так, значит, всё, что дорого и мило,
достанется седому гамадрилу?

Мефистофель

Она сейчас лишь вышла с семинара,
с ней мэтр сам беседу проводил.
Я подглядел, подслушал... Ты не пара
сей деве. И не трать душевных сил.
Что можешь предложить ты ей в своей
организации? Смешно же, ей же ей!

Фауст

Сведи меня тайком в ее светелку.
Скорее! Не вводи меня в беду!

Мефистофель

Как раз сейчас она, покрасив челку,
намылилась к подруге.

Фауст

Я в бреду.
Подарок для нее достать успею.

Уходит.

Мефистофель

Подарок? Потрудиться мне придется.
Он понимает, как подъехать к ней.
Проникну я в какой-нибудь музей,
там что-нибудь достойное найдется.

Вечер

Маленькая опрятная комната. Маргарита заплетает косу.

Маргарита

Я б дорого дала, открой
мне кто-нибудь, кто тот чужой.
Прикид, улыбка – стильно, ново.
Не из Союза ль он Попова?

(Задумывается.)

Он слишком смело и беспечно
заговорил, как с первой встречной,
со мной, почти лауреатом
престижной премии «Amata
Урюпинска».
Да как он смел!
Нахальству положу предел.

Уходит.

Мефистофель и Фауст.

Мефистофель

Войди, не бойся ничего!

Фауст

(после некоторого молчания)

Оставь меня здесь одного.

Мефистофель

(оглядывая книжный шкаф)

Ба! Кожинов, Проскурин, Кузнецов.

Фауст

Любимой девушки приют... Без лишних слов
Оставлю ей тяжелую шкатулку,
а сам пока пройду по переулку.

На прогулке

Фауст прохаживается, погруженный в раздумье. К нему подходит Мефистофель.

Мефистофель

Постылые! Исчадья преисподней!
Мне жаль, что нет ругательств попригодней.

Фауст

Да что с тобой? Что у тебя за вид?
Тебя какая муха укусила?

Мефистофель

Ты знаешь ли, куда она носила
твою шкатулку?

Фауст

Ну в «Неву», в «Звезду»,
в «Октябрь», может быть... Да что с тобою?

Мефистофель

Она ее снесла...

(Отворачивается, закрывает лицо плащом.)

в «Наш современник»! Собственной рукою.

Фауст

Меня томит ее печаль.
Достань ей что-нибудь другое.
Пропажи первого не жаль.

Мефистофель

Да где же я возьму такое?
Брильянты были первый класс.

Фауст

А если снова покопаться?

Мефистофель

(с сомнением)

Средь петербуржцев-ленинградцев?

(Просветлев.)

Я знаю, чем привлечь вниманье
надменной девы.

Фауст

Чем?

Мефистофель

Изданьем!
Ты станешь спонсором девицы.

Фауст

(с сомнением)

Неужто, думаешь, польстится?

Мефистофель

(поет)

Люди гибнут за тираж, за тираж.
Сатана там метранпаж, метранпаж.

Уходят.

Б. Чечельницкий **Дом соседки**

Марта

Какой безрадостный денек.
Меня покинул муженек.
Он поступил со мной паскудно:
Эмалированное судно —
Уюта нашего оплот —
Он променял на чертов флот.

Дождусь ли весточки из МИДа
О том, что кончился от СПИДа?

Входит Маргарита.

Маргарита

Я, не поверишь, выпала в осадок.
На полке, где пылились сундуки,
Нашла ларец, шизея от догадок.
Там украшений больше на порядок,
Чем в кадрах их «Брильянтовой руки»

Марта

Смотри, мамаше не сболтни, дурила,
Чтоб ценности бомзам не раздарила.

Маргарита

Вот полюбуйся – брошка и кулон.

Марта

А это Аполлон без панталон.

Маргарита

Я в золоте от пяток до макушки,

Но где носить мне эти побрякушки?

Марта

Придумаем чего-нибудь со скуки.
Ты заходи почаще на досуге.
С три короба мамаше и арестантов бочку.
На праздник ты сережку нацепишь, я цепочку.

Маргарита

Ты представляешь, сколько это налом?
Попахивает ларчик криминалом.
Стучатся. Не мамаша ли за мною?

Марта

Мужик какой-то. Ты не ной.

Маргарита

Да я не ною.

Мефистофель

(тихо Марте)

Вы треплетесь всюю с особой знатной,
А я пришел с беседою приватной.

Марта

На ней лишь золотишко высшей пробы,
Но ничего от знатной нет особы.

Маргарита

Я просто симпатичная блондинка,
Но, мягко говоря, простолюдинка.
А это, как вороне, Бог послал.

Мефистофель

Да я не про рубин, не про коралл,
А про осанку вашу и манеры.
Я, кстати, захватил с собой мадеры.

Марта

А кроме выпить есть еще причина
Прихода в наш девичий закуток?

Мефистофель

Супруг ваш помер. Славный был мужчина.
Позвольте, я сделаю глоток.

Марта

А документ с печатями, а МИД?
Я падаю...

Маргарита

Не падай, пол не мыт.

Мефистофель

Чем грязный пол клевать курносым клювом,
Давайте я о муже расскажу вам.

Марта

Пожалуйста. Храни его святой!

Мефистофель

Он погребен под каменной плитой.
Лежит в земле за маленькой часовней.
Не наблюдает, стало быть, часов в ней.

Марта

А что его сморило, не рахит?
А передачи не было от мужа?

Мефистофель

Нет, говорил, что любит, и к тому же
Просил вас справить триста панихид.

Марта

Ни пояска, ни ленточек пурпурных,
Ни лифчика в кружавчиках ажурных,
Ни перстенька на память от него?

Мефистофель

Нет, ничего, поверьте, ничего.
Он не сорил деньгами, просто – алес.
Они куда-то сами рассосались.

Маргарита

Рассказывайте далее о нем.
Наутро будет плохо – помянем.

Мефистофель

Об этом я задумываюсь сам уж.
А вы бы не хотели выйти замуж?

Маргарита

Мой брачный одр колышется во мраке,
Как силуэт отчалившей ладьи.
Средь юных не приветствуются браки.

Мефистофель

Пригрели б неформально на груди.

Марта

Каким был финиш скорбного пути?
В какой же позе опочил он в бозе?

Мефистофель

Да крепко выпил и уснул в навозе.
Но поминал сквозь сон какой-то дом.
Я думал расспросить его потом:
Про этот вспоминал или публичный?
Зачем-то обозвал меня скотом
И умер в позе самой неприличной.
Боюсь, весь капитал его наличный
Бардачная клоака унесла.

Марта

Я помяну добром его, козла.

Мефистофель

А он вас поминал всё чаще матом.

Марта

Печально, что судьба свела с приматом.

Мефистофель

Да, был он от природы тупорыл,
Поэтому неласково вас крыл.
Он, дескать, хлеб насущный добывал,
Детей для вас плодить не забывал.
А вы его, беднягу, не кормили,
И он пошел чесать морские мили.

Марта

О ласках о моих не говорил,
Когда не очень громко материл?

Мефистофель

Да, говорил, особенно в июле.
Как раз мы судно турков грабанули.

Он прихватил поношенную шаль
И нежно так сказал: «Пошлю женуле,
Что выкинуть не жаль».

Марта

А что потом?

Мефистофель

Потом он был не в духе
И шаль отдал какой-то потаскухе.

Марта

Так вот каков любезный мой супруг.
На шлюхах долг супружеский исполнил.
Шалавам не мешал его недуг,
А обо мне с детьми и не вспомнил.

Мефистофель

Ну, значит, так и надо подлецу.
И никакая это не утрата.
Тем более что траур вам к лицу.
Наденьте и ищите кандидата.

Марта

Он новым кандидатам не чета.
Такой наивный, милый, лопоухий.
Ах, если бы... Ах, если бы не шлюхи,
Притоны, кабаки и наркота.

Мефистофель

Но это пустяки, такая малость.
Небось жена подобным занималась,
Когда обрыдла эта кабала.

Марта

Вы шутите? Я честною была.
Моя душа чужда пороков ентих,
А муж – как канцелярский дырокол.
Извольте приготовить документик:
Когда, во сколько, подпись, протокол.

Мефистофель

Я с другом могу к вам заявиться.
Он многих знал, сойдет за очевидца.
Я с ним давно и крепко корешусь.

Маргарита

При нем я появиться постыжусь.

Мефистофель

Не прячьте от народа красоту.

Марта

Мы ждем обоих вечером в саду.

Улица

Фауст и Мефистофель.

Фауст

Ну, как дела? Идут на лад
Или не ладятся, напротив?

Мефистофель

Ты извини, не до рулад.
Идем сегодня к Марте в сад.
Как ты, не против?

Фауст

Я не против.

Мефистофель

Но от тебя нужна услуга.

Фауст

Чего не сделаешь для друга?

Мефистофель

Прикинься, что летел быстрее серны.
Не слыша никакие стой-постой,
Чтоб сообщить, что Мартин благоверный
Усоп в навозе в Падуе святой.
Совсем несложный текст для монолога.

Фауст

Но я не опускаюсь до подлога.

Мефистофель

Наш юноша невинен и прекрасен
И с детства не рассказывает басен.
Для памятника ангелу – опока.
В свободу верит, в равенство и в Бога.

Фауст

Какой же ты неизлечимый враль.

Мефистофель

А ты есть воплощенная мораль,
И ум твой – как завет, такой же ветхий,
Возвышенный и падкий до обид.
Всю правду ты потом расскажешь Гретхен,
Чистейшую, как тот аптечный бинт.

Фауст

Не хочется мне облик свой марать.
Но фиг с тобой, идем. Я буду врать.

Сад

Маргарита с Фаустом и Марта с Мефистофелем (рука об руку, нога за ногу, слово за слово). Выгуливают друг друга.

Маргарита

Как здорово: каюты, трюмы, трапы,
Шелк парусов, упругий взмах весла.

Фауст

И крокодилы, пальмы, баобабы,
Жена посла...

Маргарита

Кого она посла?

Фауст

Да бегали какие-то по Альпам
За скальпом.

Марта

Ха-ха! Ой-ой! Какой же вы пошляк.
Не надо на газон, он не стерильный.

Мефистофель

Мне наплевать на это. Я – маньяк.

Марта

Вы сексуальный?

Мефистофель

Нет, многосерийный.

Марта

Ко многим вы питали интерес?

Мефистофель

Запал на петербургских поэтесс.
Распутницы с рассудком нездоровым
Меня там обозвали Топоровым.

Маргарита

А ели вы во Франции лягух?
Как мило.

Фауст

Да, помнится, поджарили мне двух.
Стошнило.

Маргарита

Скажите, а какой он, крокодил
Из Нила?

Фауст

Его я целиком не проглотил,
Стошнило.

Марта

Не надо здесь. Какой пассаж!
Вы мне испачкали корсаж.
Здесь слишком заросли густы.
Я не хочу! Зачем в кусты?

Маргарита

За забором не видно соседки?
Можно спрятаться в этой беседке.

Фауст

Вы – алмаз в драгоценной оправке.
Раздевайтесь, приляжем на травке.

Гете

Мне и думать об этом нельзя.
И не помнить об этом не вправе я.

Убежал, перегаром разя,
Потому что кругом порнография.
Танцевали бы вальсы, мазурки,

Прошмыгнул бы я мимо цензурки.

Лесная пещера

Фауст

Пречистый дух, ты слил меня с природой.
Сижу в тени под буком или грабом.
Отныне ни по пабам, ни по бабам
Я ни ногой. Пропитана дремотой
Твоя пещера цвета изумруда.
Я невесом, как прах из медальона.
Удел угрюмой прозы – нетто, брутто.
Я – бабочка. Я – самка папильона.

Мефистофель

Я думал, что ты дома на диване.

Фауст

Иди отсюда к черту, я в nirване.

Мефистофель

Куда? Куда? Послал бы ближе к бане.
Чего я там не видел у себя.

Пока ты бредишь, кашляя, сипя,
Я забегал к влюбленной нашей пани.
Она заверещала – ох да ах
И утонула в собственных слезах.

Фауст

В слезах определенно не утонешь.
Чего тебе до девочки, гаденыш.
Не можешь руки к тулову прижать,
Чтоб пакостные пальцы не чесались.

Сочится из тебя сплошная сальность.
Теперь бежать девчонку утешать.
Приперся, распалил в бедняжке похоть.
Как хорошо: живет недалеко хоть.

Мефистофель

Беги, спасай красавицу свою.

Фауст

Задумаешь подглядывать – убью.

Н. Савушкина Чёрный пудель

Сад Марты

Гретхен

Послушай, Генрих!

Фауст

Можно просто Гена!

Гретхен

Ты молишься совсем не вдохновенно.

Фауст целует ее

Гретхен

(отшатнувшись)

Кошмар! В разгар Великого поста
твои уста сочатся карбонатом!
И твой приятель, видно, неспроста
мне под камзолом кажется мохнатым.

Лицо внезапнее рвоты,
нос клювом и запах серы...
Вполне способен он льготы
отнять у пенсионеров,
огрابتь банк иль девицу
оставить без репутации.
Зачем тебе с ним водиться?
Не лучше ли вам расстаться?

Фауст

Гретхен, Гретхен, вера в Бога
отцвела в моей душе.
Всё там кажется убого,
как потертое клише.
Ну а добрый мой приятель
мордой мрачен, сердцем чист.
Это имидж. Он – писатель,
циник и постмодернист.

У колодца

Лизхен

Хочешь, сплетню тебе расскажу про Варвару,
что гуляла всегда с кавалером на пару
и глушила шнапс на каждом банкете,

но при этом девицей писалась в анкете?
Так вот, зацвела в ней чужая мясная завязь.
Еле ходит теперь, по швам расплзаясь.

Гретхен

А коварный соблазнитель
удирает ото всех,
топит в Рейне мятый китель,
на котором делал грех.
Пало целомудрие зеркальцем расколотым.
Бродит дева в рубище, не блистает золотом.

На городском валу

Гретхен

Черный пудель, что ты брешешь,
что несешься по полям?
Меч Господень, что ты режешь
жизнь мою напополам?
Не могу тебе сказать я,
как обычно: «Верую!»
Мое серенькое платье
провоняло серою.

Ночь. Улица перед домом Гретхен

Валентин

Восхищался всегда я сестренкой Гретхен.
Нынче веры в ее непорочность нет. «Хен —
несси», поскорей мне неси, кабатчик!
Я устал от насмешек друзей, подначек...

(Замечает Фауста и Мефистофеля.)

Вон пожаловал хахаль, а с ним Мефистофель —
несоветское имя, сомнительный профиль.
Под балконом козлищи заблеяли на ночь.
Ненавижу певцов, как Савелий Бараныч!

(Поет сам.)

Черный пудель, что ты вьёшься,
жрёшь объедки под столом.
Нынче ты костей дождёшься.
Я сегодня – костолом!
Кто бесовским звуком арий
горожан смущает сон?
Я расплощу гнусных тварей.
Замолчи, жидомасон!

Вырывает гитару Фауста, ломает ее об его же хребет.

Фауст

(Мефистофелю)

Возьми гитару. Она звучала...

Мефистофель

Ты лучше шпагу возьми сначала.

Чуть ниже ворота, чуть левее
кольни беднягу и дай по шее.

Мочат Валентина. Убегают.

Гретхен

(высовываясь в окно)

Что за Красная площадь?

Марта

Это кровь Валентина!

Валентин

Здесь я пал, словно лошадь
от глотка никотина.

Сохнет сердца родник,
весь отравленный ложью.

Смерть, ослабь хоть на миг
свою хватку бульдожью!
Канет грешная Грета
в пучине разврата,
больше не обогрета
любовию брата.

Народ

Боже, боже, вот и помер
недалекий Валентин.
Он интригу недопонял,
потому что был кретин.
Даже книгу «Фауст» Гёте
не прочел он до сих пор.
Ну так что с него возьмете,
если он простой майор?

Собор

Злой дух

Зачем ты от кровавого порога
Притопала в красивый наш собор?
Ведь на тебя с небес взирают строго
и матушка твоя, и брат-майор.
И ангелы смеются по латыни,

И чёрт хохочет за твоим плечом.
А ты бесстрастна так, как будто ты не
была повинна никогда ни в чем.

Гретхен

Соседка, быстро дайте вашу склянку.
Какая сухость у меня во рту!
Глотну я, как Алферова, овсянку.
Она ее любила на спирту.

Падает в обморок.

В. Капустина

Любой урод, подобный слизию,
Философ или негодяй
Хоть раз в своей пропащей жизни
Себе устроит нагоняй.

Мол, скольких загубил напрасно,
Разбил о свой могучий борт —
Вон та больна, а та несчастна,
А эта сделала аборт.

Любой альфонс и прилипала
Под настроение орёт:
«Эх, где моя не пропадала...

Там непременно пропадёт!

Подставят барышне скамейку
И средь зевак и гадов средь
В петельку так проденут шейку,
Что любо-дорого смотреть».

И Фаусту покоя нету,
Не впрок и пьянки, и комфорт,
И в саламандровых штиблетах
Шагами поле мерит чёрт:

Послал Господь клиента – чистый
невротик, неженка, слабак.
А на несчастного Мефисто
Повесят после всех собак.

Вздыхает тяжело Мефистофель —
Ну ладно уж, быть посему:
Увидеть хочешь милый профиль —
Ступай за ним в самую тюрьму.

И вот летят быстрее птицы
К девице, что поёт в темнице.

Фауст

Любимая, кончай трендеть,
Давай покинем эту клеть,

Где ты, как курица с яйцом,
Сидишь с таким твоим лицом.
Не будь, читатель я поэтом,
Взяла гвоздей бы острых горсть,
И Маргаритиным ответом
Забил бы в мужчину гвоздь:

Маргарита

Кто там? Ты – тот, кого я жду?
Ну так ступай же ты...

Фауст

Иду!

Маргарита

С трудом я отравила мать,
Ребёночка убила еле,
Я не могу вам рассказать,
Как сильно все мне надоели.

Когда устранена семья
Вся – от прабабушки до дочки,
Мечтаю слушать соловья
И нюхать нежные цветочки.

Я даже к Кушнеру в Лито

Сходила бы, упившись вусмерть,
Когда б я только знала, кто
Такой ваш этот Кушнер.

Фауст

Она безумна! Красоте
Не выжить при таком-то гнёте.

Маргарита

(в сторону)

Уж не безумнее, чем те,
Кто переписывает Гёте.

А дальше – всякие слова,
И много слёз и разбирательств.
Читатель, пухнет голова
От ихних вязких препирательств,
И от борьбы добра со злом.
Каким же, я скажу с размаху,
Мужчине надо быть козлом,
Чтоб предпочла девица плаху!
Читатель, я утомлена.
Чтоб мы не померли со скуки,
Пусть Бог воскликнет: «Спасена!» —
А чёрт: «Я умываю руки».

Богатая Лиза

Роман в стихах (весна 2000)

Т. Алферова

Глава 1

Сменился век. Героем стал народ.
На кринолины не хватает ситца.
В романах всё пошло наоборот,
Но до сих пор нам памятное снится.

А если современную струю
Вольем в сюжет, не нами, жаль, избитый?
Короче, интродукцию свою
Вспять протяну из нынешнего быта.

Итак, она. Студентка, 30 лет,
Филфак, родители – простые инженеры.
Елизавета. Язычок – стилет,
И в удовольствиях порой не знает меры.
Юна, как вешняя заря в дыму депо,
Наивна, как заштатное сельпо.

Герой Эраст. Серьёзен, одинок,

Как может лишь поэт быть одиноким.
Он под собой порой не чует ног,
Что иногда ему выходит боком,
Поскольку вечно драные носки —
Хорошее подспорье для тоски.

Но, в сумрачный свой гений погружен,
Диктат материи он отрицает пылко.
Поклонники, как мухи на крющон,
Слетаются к нему, но ни обмылка
От дивных строк своих не даст продать,
Свободной бедности приемля благодать.
Пускай не признан, но строка тверда,
Как в проруби при минус трех вода.

Но мой-то стих течет давным-давно,
Как в той же проруби – ты рифмы ждёшь – оно,
Конечно, можно, строк на пятьдесят,
Но надо мною, словно меч, висят
Григорина вскипающие строки —
Героев познакомить нужно в сроки.

Б. Григорин

Глава 2

*Лиза рыдала – Эраст плакал.
Карамзин*

Читатель! Радуюсь в душе:
Эраст работает в котельной!
О «поколенье сторожей»
Поговорим потом, отдельно.
Скорей войдем в котельный цех,
Где зуд писательский у всех.

Вас встретят жар и шум насосов,
Гидроудары в недрах труб.
Зайдя, не задавай вопросов.
Ты попадаешь в тесный круг
Из аутсайдеров, изгоев
(И я отчасти был из коих).

Мы застаем Эраста в двадцать,
Ну в двадцать с лишним как бы лет.
Сначала думал он спиваться,
Как молодой еще поэт.
А кто сказал, что пить нельзя,
Когда есть деньги и друзья?

Они в котельной собирались,
И перед тем как почитать,
Сначала пивом надирались,
Чтоб после водкой наверстать.
Мисима, Кафка, Арагон.
Сушняк, «Зубровка», самогон.

В тот вечер, впрочем, было пусто.
Хотелось плакать, кушать, жить.
Никто не шел. А томик Пруста,
Как ни старался, не открыть.
Он подошел тогда к окну
И видит девушку. Одну.

Она не то чтоб из эфира,
Но очень легкая была.
В руках бутылочка кефира
Его особо привлекла.
Ошибка девушек, и многих —
мол, смотрят парни лишь на ноги.

Открыл. Та девушка с бутылкой
Кефира входит на порог.
«Вам, собственно, кого?» – с ухмылкой
И чуть язвительней, чем мог,
Спросил расстроенный Эраст.
«Раз вы открыли, значит, вас».

А что до Лизы, господи...

В. Капустина

Глава 3

Что же их гонит, молодых и застенчивых
В душные, грязные эти котельные?
От вешних листиков, пташек и птенчиков,
От кинофильмов, где сцены постельные...

Боже мой, Лиза, куда же ты прешься-то?
В пьяные прешься объятия Эрастовы.
Ведь неприятностей не оберешься ты,
Слез, нищеты, социальных контрастов, и

Очень возможно, и секса опасного,
Как заржавевшая бритва немытая.
Или зовет тебя жажда напрасного
Или поэзии власть ядовитая?

Ладно, смахнем же рукою натруженной
Слезы, читатель! Грядет объяснение,
Ибо Эраст уже, пивом нагруженный,
Чует в груди и в желудке стеснение.

Лиза исходит тирадой заливистой

Про амфибрахий, про стих верлибрический.
Он же следит ее шеи извилистой
Крен несказанный, изгиб гипнотический.

Уши у Лизы краснеют под стрижкою.
Что до Эраста – описывать заново
Вздохи те с раблезианской отрыжкой,
Эти сопенья его Мопассановы —

Скучно, друзья! Ограничимся фразою:
«К Лизе пылал он горячей любовью».
Верно, знакомы вы с этой заразою —
Тем она злее, чем хуже условия.

Ну а того, кто был создан мужчиною
И занемог сей болезнью печальною,
Смело сравню с паровою машиною,
Чей разогревшийся поршень отчаянно

Бьется. Как жалко его, одинокого:
«Лиза, вы помните, как у Тургенева?»
Лиза зарделась: «Нет, как у Набокова».
Право, не знаю, как было у гениев,
Но у Эраста в напоре нахрапистом
Литература кипела и пенилась —
Ямбом себе помогал и анапестом,
Вайлем, а также, простите, и Генисом.
Трудно пришлось организму поэтову,
Плакал диван, будь не к ночи помянут он.

Лиза невинна была, и поэтому
Сцена признанья немного затянута.

В. Пугач

Глава 4

Друзей, слетающихся роем
На мой роман, как на бревно,
Теперь с еще одним героем
Я познакомлю все равно.
Приехав в Петербург когда-то,
Он всех любил любовью брата
От пяток и до головы
И слыл нежнейшим из братвы.
А он и вправду был нежнейшим,
И если в мозжечок моча
Не била, точно из ключа,
Дарил цветы бомзам и гейшам,
Зато клиентам не дарил,
А только репы им дурил.
Диваны, ванны, волованы,
Бумажный лом, сапожный крем,
Друзей секретнейшие планы
Он продавал буквально всем;
Менял сардельки на сосиски,
На Пряжке открывал химчистки,

И выдавал он на Сенной
Шашлык собачий за свиной.
Однако стать одним из шишек
Надежды ложной не питал,
Копил тихонько капитал
И боссу отдавал излишек.
И так он понемногу рос,
Но заболел внезапно босс.
Тот богател, что было мочи,
И мог бы многого достичь;
Ушел в недвижимость – короче,
Хватил беднягу паралич.
Он был здоров – всё было тихо,
Тут поднялась неразбериха,
Герой наш всех в ментуру сдал
И сам в награду боссом стал.
И вот, когда уж был он боссом,
Обрел значение и вес,
Во властные структуры влез,
Что нынче пахнут, как опоссум,
Стал добр и жирен, как хомяк,
И окончательно размяк.

Езжал он всюду, брит и стрижен,
С любовью братской на лице —
Типичный выходец из хижин,
Теперь живущий во дворце.
И вдруг по странному капризу
Влюбился он в студентку Лизу;

Поныне помнит весь филфак
Его малиновый пиджак.
Он появлялся там с богатым
Букетом роз иль орхидей,
А также с ворохом идей
Для обсуждения деканатом,
В душе плюя на деканат —
Его тянул иной канат.

Точней, магнит. И тем магнитом
Его манило все сильнее
К ее устам, ее ланитам
И персям, что росли на ней.
Входя в состав любых инспекций,
Ее ловил он после лекций
И попадался ей, не зван,
И представлялся ей: Вован.
Сперва она его дичилась
И размышляла: «На хрена?»
Потом была покорена,
Потом с Эрастом разлучилась.
Она не знала, что Эраст
Еще на многое горазд.

А. Гуревич

Глава 5

В общем, с той поры, как Вадик
Ввёл соперника в сюжет,
Вместе с Лизой больше в садик
Не ходил гулять поэт.
С миной мрачной и угрюмой,
Одержим тяжёлой думой,
Инда плакал наш Эраст;
Слёзы жгли весенний наст.
Лились струйки по застрехам,
Мир, поплыв по лону вод,
Стал совсем как теплоход,
А Вован с победным смехом,
Как разбивший греков перс,
Деву вновь волок в свой «мерс».

И на это дело глядя,
Взбеленился вдруг Эраст.
«Нет, – подумал, – шутишь, дядя:
Мой кумир тебе не даст».
Разошёлся, как тинейджер,
Позвонил тому на пейджер,
И тотчас депешу зрит
На экране наш бандит:

«Эй, давай скорее газу,
Дядя при смерти, Вован.
Будь тверёз ты или пьян,
Срочно дуй к нему на хазу».
Надавил Вован на газ
И подумал: «Вот те раз!»

Пронят был твоим, Татьяна,
Я заданием, ma chère!
Думал я о форме плана
И какой избрать размер.
Я спросил об этому Музу.
«Режь, – сказала, – анакрузу
У онегинской строфы,
Дай-то Бог тебе лафы».
Я послушался совета —
Вот откуда «Дядя» тут:
Так жлобы мои зовут
Видного авторитета.
В ямбы вписанный хорей
У арапа спёр еврей.

Светлым лугом, тёмным лесом
Гнал Вован, давя педаль,
И пластались мелким бесом
Перед ним поля и даль.
Без вопроса, без каприза
Ехала с ним рядом Лиза.
Мчал бандит во весь опор —

Вдруг, глядит, пред ним «запор»,
Вставший поперёк дороги.
Тормозит Вован с трудом
И к водителю бегом:
«Делай, гад, отсюда ноги,
Ты, козёл и педераст!»
(То, конечно, был Эраст.)

Вечереет. Холодает.
Крут на трассе поворот.
Влага быстро подмерзает,
Образуя гололёд.
Жаря скользкою дорогой,
Тачка с вызванной подмогой
Бьёт Вованову лоб в лоб,
Превратясь в горящий гроб.
Появляется вторая,
И ещё пяток ребят
В рай влетают или в ад,
Участь первых разделяя.
И в отчаянье Вован
Вновь звонит в родимый стан.

Ох, недаром говорится —
Голь на выдумки хитра!
Продолжали дальше биться
Их машины до утра.
В мутном небе вьюга стонет:
Новых русских там хоронят.

Добрый Бог – точнее, чёрт —
Шлёт им траурный эскорт.
Мчатся «мерсы» рой за роем
В беспредельной вышине
И дают возможность мне
Хвастаться моим героем:
Был отнюдь не прост Эраст
И на выдумки горазд.

Дальше пусть роман допишет
Кто-нибудь из поэтесс:
Чую, мне в затылок дышит
Сзади некто Нина С.
Знаю Савушкину эту,
Пусть же примет эстафету!
Что анапест ей, что ямб:
Удивит людей анжамб —
маном необыкновенным,
Слово надвое порвав,
И крутой изъявит нрав
Лёгким слогом вдохновенным.
Я, окончив часть свою,
Лиру ей передаю.

Н. Савушкина

Глава 5

Эраст весьма разочарован
И недоудовлетворён
Тем, что, как прежде, подлый Вован
Далёк от личных похорон

И даже женится... В каморке
Сидит тоскующий Эраст.
Он глушит водку, гложет корки
Вчерашние и хочет раст —

вориться, то бишь застрелиться,
Презрев земное бытие.
Идёт в кладовку, где пылится
На стенке дедово ружье.

Претит поэту в новой жизни
Торгашеский, валютный зуд.
И злые слёзы, словно слизи,
По бороде его ползут.

Решив испепелить свой сборник
И фото Лизы в стиле ню,
На поле Марсово затворник

Выходит, к Вечному огню.

Стоит он, рукопись сжигая,
И в бледном утреннем дыму
Вдруг Лиза бедная, нагая
В мечтах является ему.

Она сулит блаженство рая,
Лепечет: «Я была слепа!»
Но вдруг, Эраста оттирая,
К огню бросается толпа.

Толпа кричит: «Здесь каждый – гений!
Поэты – мы! А вы, а вы
Живёте жизнию растений —
Безмозглой сумрачной ботвы!

Сердца мы ваши жгли глаголом,
Склонением и падежом.
Послушайте! На поле голом
Мы нынче рукописи жжём!

Конец непризнанным цитатам!» —
Орут поэты. Дым валит.
Как вдруг, назвавшись депутатом,
К огню стремится инвалид.

Крича: «Ты предал нас, Зюганов!» —
Прилюдно жжёт его портрет...

Среди борцов и хулиганов
Эраст, изрядно подогрет

Ершом из коньяка и пива,
Непрочный организм кляня,
Вдруг поступает некрасиво
В районе Вечного огня.

К таким нетворческим манерам
Не склонен прежде был герой.
И вот к нему уж люди в сером
Летят, как мух навозных рой.

И наступающие сутки
Эраст встречает в КПЗ —
С тоскою в сердце и в желудке,
С лицом опухшим, как безе.

Глядит сквозь прутья он, как снизу
Весь день снует незнамо кто.
И узнает внезапно Лизу
В отпадном норковом манто.

А дальше вовсе как по нотам
Сюжет разыгрывается —
Майор склоняется к банкнотам
С ухмылкой тонкой в пол-лица.

И новорусским Староневским

Несётся Лизин BMW
К жилищу, где с Вованом мерзким
Она находится в родстве.

Стоит Вован перед Эрастом.
Вован, Эраста не узнав,
Целует Лизу ртом губастым,
Игриво пробасив: «Гав-гав!»

О, как сегодня вдохновенно
И артистично Лиза лжёт!
«Любимый, выручи кузена.
Его уже который год

Страна не балует зарплатой.
А он – поэт. Его Пегас —
Ну это типа конь крылатый —
Без пропитания угас.

Кузен – недурственный водила,
Хоть для охраны слишком хил.
Судьба б тебя вознаградила
Поэмою а-ля Эсхил!»

И вот по просьбе Лизы Вовой
Банкет устроен. Кореша
Пришли. Поэт, на всё готовый,
Стоит, бумажками шурша.

Вован балдеет: «Блин, в натуре!
Гляди, братан, – простой шофёр,
А как сечёт в литературе!
Сам до поэзии допёр!»

Крутая тёлка стонет: «Прелесть!» —
И пялится поэту в рот.
«Как эротична ваша челюсть!
Я дам вам... дам вам бутерброд!»

Эрасту кто-то льёт спиртное в
Екатерининский бокал,
И вся квартира, словно Ноев
Ковчег, плывет среди волн и скал.

...А потру в объятьях Лизы
Лежит поэт, полураздет.
И сквозь ажурные маркизы
Меланхолический рассвет

Сочится, Лизу обнажая.
И понимает вдруг Эраст:
Она – богатая, чужая,
Холодная, как фторопласт.

За этой тёмной, этой узкой
Замочной скважиною рта,
За оболочкой новорусской
Навеки Лиза заперта.

Мы все бежим за идеалом
Своим вокруг земной оси.
Но с ним под общим одеялом
Проснуться – Боже упаси!

Поэт, как прежде, неприкаян,
Освободив чужой диван,
Бредёт в гостиную. Хозяин
С красивым именем Вован,

Как лучший представитель класса —
Румян, накачан, волосат —
Храпит на бархате паласа
С изображеньем двух лосят.

...Вован по гороскопу Овен —
Коза – рога со всех сторон...
Но вновь Эраст разочарован
И недоудовлетворён.

(С этого места можно начинать читать поэму сначала)

Мой дядя

О роли мужчины в жизни человека (январь 2001)

В. Пугач

Мужчина и дети

Начну с яйца. Мужчина – это
Что в темноте, что на свету
Предмет. Полезнее предмета
Вы не отыщете в быту.
И в этом бытовом предмете
Такое держат вещество,
Что даже маленькие дети
Бывают только от него.
Оно содержится в приборе,
В какой-то сумке на ремне.
Оно при Саше, и при Боре,
И даже, кажется, при мне.
Но, думаю, неправы те, кто
Всё сводит только к одному,
Ведь кроме этого эффекта
Предмет ещё имеет тьму.
Нет, он не то что тьму имеет —

Достоинств, я имел в виду, —
Он много всякого умеет,
Об этом речь я и веду.
Ему действительно по силам —
Такой он редкостный предмет —
Быть педагогом, педофилом
И массой разных прочих «пед».
Он педель, педиатр, педолог,
Педант, нажавший на педаль,
Но если век его недолог,
Его нисколько не жаль.
И если стал он невменяем
И не туда повел строфу,
Его легко мы заменяем,
Пускай другой стоит в шкафу.

Б. Григорин

Мужчина и продукты питания

Дух, неспособный к излишествам, слабеет.
Ф. Бэкон

Мой дядя тоже есть любил,
Но ел не всё подряд без правил.
Балык. Шашлык. Коньяк. Зефир.
И уважать себя заставил.

В застои шеф-поваром служил
При интуристе... Вот где ели!
Творил шедевры. Как-то был
Певцу представлен – Рафаэлю.
«Его пример другим наука».
Не мне. Я не умел бекон
И шницель жарить с перцем, с луком

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.